

КАВКАЗЪ

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
Въ Тифлисъ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-Петербургу: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ почт. г-раж. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
За газету «Кавказъ» съ казенныхъ прибавленій 9 р.
Съ казенными прибавленіями 12 р. 50 к.
За одинъ казенный прибавленій 5 р.
Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по 1/4 коп. серебромъ съ буквы.

За неполученіемъ экстра-почты изъ Россіи, внутреннія извѣстія настоящаго № неполны, а изъ иностранныхъ помѣщены только извѣстія изъ Персіи, полученныя другимъ путемъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Внутренній извѣстія. Высочайшій приказъ по гражданскому вѣдомству отъ 1 марта.
Кавказская летопись. Тифлисская современность. Телавъ. Кизляръ.
Литературный отдѣлъ. Письма стараго театра о Тифлисск. Театрѣ, V.—Библиотека Ширмазаніана, ст. А. Берже.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, марта 1-го дня, 1856 года, № 44, сверхштатный чиновникъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго Коллежскій Секретарь князь Бибуртовъ, уволенъ, согласно просьбѣ, отъ службы съ награжденіемъ чиномъ Титулярнаго Совѣтника.

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. Таманскаго округа городской волости крестьянинъ изъ поселенцевъ Самойло *Билевъ*, доставилъ *шестьдесятъ* руб., пожертвованные имъ вмѣстѣ съ своими знакомыми, въ пользу отличившихся воиновъ, участвовавшихъ при взятіи кр. Карса.

— 5-го числа апрѣля выступилъ изъ г. Тифлиса въ сел. Марікоби, резервный баталіонъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, въ вѣдѣніи капитана *Манусъ*.

Съ военно-грузинской дороги получено официальное свѣдѣніе о большомъ завалѣ, упавшемъ съ Гудъ-горы 31-го марта утромъ, при чемъ снѣжная масса завалила изъ слѣдовавшаго въ Тифлисъ, казеннаго денежнаго транспорта 7 выюковъ. По полученіи объ этомъ извѣстія, начальникъ горскихъ народовъ Тифлисскаго губерніи немедленно отрядилъ чиновника, поручивъ ему собрать въ Кайшаурскомъ обществѣ рабочихъ людей для разрытія завала въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось выюки. Едва рабочіе приступили къ дѣлу и успѣли вытащить изъ-подъ снѣга два сильноповрежденныхъ выюка, какъ съ той же горы упалъ еще завалъ, болѣе перваго, и засыпалъ 22 человека рабочихъ. Тотчасъ же были приняты дѣятельнѣйшія мѣры къ открытію несчастныхъ, изъ которыхъ двое погибли, а остальные 20 спасены. Въ слѣдующій день, 1 апрѣля, не было возможности продолжать разрытіе снѣжной массы для отысканія прочихъ выюковъ, по случаю густаго тумана, непроницаемой мглы и дождя, отъ котораго могъ упасть третій завалъ, такъ-какъ на скатъ горы снѣгъ еще лежалъ въ огромномъ количествѣ.

Телавъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е число минушаго февраля, хищническая партія Лезгинъ, въ числѣ 300 человекъ, произвела нападеніе на сел. Старые-Гавазы, Кварельскаго участка. Хищники успѣли поджечь 4 дома, захвативъ при томъ въ плѣнъ 16 чел.; но жители, быстро вооружившись, открыли по Лезгинамъ сильную перестрѣлку, изъ нихъ 8 чел. положили на мѣсть, а остальныхъ обратили въ бѣгство; со стороны поселянъ убиты трое а ранены одинъ мужчина и одна женщина.

Кизляръ. Утѣшительно слышать и особенно видѣть, что въ кизлярскомъ уѣздѣ разведеніе плантацій нѣкоторыхъ полезныхъ растений, особенно марены, быстрыми шагами идетъ впередъ; наиболѣе же утѣшительно то, что мы встречаемъ тамъ хозяевъ, которые, не жалѣя своихъ трудовъ и капиталовъ на обработку земли, успѣли терпѣніемъ и силою воли преодолѣть препятствія и, не отчаяваясь въ успѣхѣ, достигнуть своей цѣли. Кажется, нерѣшимость и сомнѣнія въ выгодахъ отъ посѣвовъ марены, останавливаютъ еще многихъ отъ пред-

пріятій въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ они вполне и съ большимъ избыткомъ могутъ всегда вознаградить труды каждаго, а въ послѣдствіи приносить постоянно одну только выгоду. Это смѣлое сужденіе о пользѣ, которую можетъ доставить марена, мы основываемъ на опытѣ, показанномъ намъ помѣщикомъ кизлярскаго уѣзда Наружаномъ *Серебряковымъ*; а потому на труды и занятія его мы обратимъ теперь общее вниманіе. — Земля, на которой г. *Серебряковъ* развелъ свои плантаціи, лежитъ на сѣверо-востокъ отъ г. Кизляра. Она пріобрѣтена имъ въ 1828 г. съ братомъ его, помѣщикомъ Семеномъ *Серебряковымъ*, въ товариществѣ съ кизлярскими 2-й гильдіи купцами Христофоромъ, Амбакумомъ и Евдокимомъ *Буржаловыми*, отъ гвардіи ротмистра Петра *Горича*. Во время покупки, изъ земли этой, заключавшей въ себѣ до 10,000 десятинъ, оказалось годной только 1260 десятинъ, а вся остальная совершенно была неудобна, покрыта солончаками и не приносила никакой пользы. Приступая къ удобренію неудобной земли, *Серебряковы* не жалѣли ни трудовъ, ни капитала. Прежде всего они, съ дозволенія начальства, занялись прорытіемъ канавъ изъ р. Терека, для орошенія своихъ участковъ водою. Это, какъ надобно думать, стоило помѣщикамъ большихъ трудовъ, потому что каналы тѣ прорыты отъ самой рѣки на разстояніи слишкомъ 20-ти верстъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ кизлярскомъ уѣздѣ орошеніе (пріращеніе) земли водою составляетъ главную необходимость въ сельскомъ хозяйствѣ, а безъ того, какъ говорятъ, заниматься хлѣбопашествомъ и садоводствомъ почти невозможно. *Серебряковы*, продолжая неуспынно начатое ими дѣло, достигли наконецъ того, что у нихъ въ настоящее время изъ 10,000 десят. удобрено до 8,000, т. е. почти что вся земля, такъ какъ остальные 2,000 десятинъ находятся подъ оврагами, возвышенностями, канавами и дорогами, и не представляютъ никакого удобства къ ихъ обработкѣ. Теперь сами помѣщики говорятъ: «хотя удобреніе такого огромнаго пространства земли стоило намъ долговременныхъ трудовъ и значительныхъ издержекъ, но все въ настоящее время не только вознаграждается, но подаетъ несомнѣнную надежду въ будущемъ на пріобрѣтеніе большихъ выгодъ.» Съ 1833 по 1848-й годъ *Серебряковы* на своей землѣ занимались преимущественно однимъ только хлѣбопашествомъ, сѣяли: сарацинское пшено, пшеницу, рожь, ячмень, овесъ, просо и разводили разные огородные овощи, капорцы, траву, изъ которой добывается поташъ, а на остальномъ пространствѣ производилось, какъ и теперь, сѣнокосеніе. Когда же земля была совершенно удобрена, они въ 1848 году начали разводить марену, сѣмена которой доставлены были имъ изъ Дербентской губерніи, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, введеніе посѣвовъ марены сопровождалось въ началѣ неудачами. Оставляя на время обзоръ принадлежавшихъ гг. *Серебряковымъ* плантацій марены, бросимъ бѣглый взглядъ предварительно на обработку этого полезнаго растенія въ Дербентской губерніи и на выгоды, какія тамъ отъ него получаются, чтобы чрезъ то лучше можно было видѣть и судить объ успѣхахъ по этой отрасли хозяйства у насъ. По разсказамъ Дербентцевъ, нѣкто *Келбалай-Гуссейнъ* первый вывезъ сѣмена марены изъ Персіи и посѣялъ ихъ въ Дербентѣ, но не имѣвъ успѣха отъ первой попытки, онъ отправился за ними въ Персію же, въ другой разъ; второй опытъ также былъ неудаченъ; но *Келбалай-Гуссейнъ*, не смотря на сильное безпокойство, не оставлялъ своего намѣренія, пока, наконецъ, добытыя имъ сѣмена марены изъ деревни *Башлы*, въ Сѣверномъ Дагестанѣ, увѣнчали его труды. *Келбалай-Гуссейнъ*, испытывая посѣвъ марены нѣсколько разъ безъ успѣха, былъ предметомъ насмѣшекъ между своими соотечественниками и умеръ въ величайшей бѣдности, не дождавшись плодовъ отъ своихъ стараній. Потомъ, спустя нѣсколько времени, въ 1807 году благодарные Дербентцы воспользо-

вались трудами человека, надъ которыми прежде смѣялись, положили прочное основаніе развитію новой промышленности, и теперь, если говорить о посѣвахъ марены, то выражаются не иначе, какъ словами: *сѣять золото*. Назначенную для посѣва марены землю *Дербентцы* пашутъ на пол-аршина глубины въ октябрь и ноябрь мѣсяцахъ. Гряды имѣютъ у нихъ полтора аршина ширины, при различной длинѣ, и всегда раздѣляются одна отъ другой небольшимъ пространствомъ въ пол-аршина ширины. Посѣявъ на этихъ грядахъ сѣмена, ихъ слегка загребуютъ; потомъ въ концѣ мая начинаютъ поливать гряды, повторяя это въ теченіе дѣла два или три. Осенью, т. е. черезъ годъ послѣ посѣвовъ, плантаціи покрываютъ землю почти на три вершка; земля на это употребляется изъ промежутковъ, раздѣляющихъ гряды. Съ наступленіемъ слѣдующей весны также поливаютъ плантаціи водою, а осенью покрываютъ ихъ новымъ слоемъ земли. Въ это же время отъ одного посѣяннаго *капана* (*) сѣмянъ марены получаютъ сбору до трехъ *капановъ*. На третій годъ работы идутъ также, какъ и во второмъ, и опять собираются только сѣмена. Наконецъ на четвертый годъ начинаютъ уже выкапывать корни, что составляетъ главнѣйшую цѣль обработки марены. Нѣкоторые изъ Дербентцевъ, впрочемъ, довольно рѣдко оставляютъ въ землѣ марену и на пятый годъ. У нихъ *капанъ* сѣмянъ марены высѣвается на пространствѣ 2,000 квадратныхъ саженъ, корни отъ него получается на четвертый годъ до 70 пуд. и болѣе, и сверхъ того въ первые три года сѣмянъ до 10 пудовъ. За всѣми издержками, чистаго дохода одинъ *капанъ* приноситъ Дербентцамъ отъ 400 до 450 р. сер.—Вотъ, что сдѣлали кизлярскіе помѣщики *Серебряковы*, относительно разведенія марены, и чѣмъ пока вознаграждаются ихъ труды: въ 1848 г. въ первый разъ посѣяно ими марены сто *капановъ*, потомъ постоянно съ каждымъ годомъ плантаціи этого растенія увеличивались, а къ 1854 г. занимали уже пространство въ 400 десятинъ, для засѣянія которыхъ употреблено сѣмянъ 700 *капановъ* или 262 1/2 четверти. Кроме всего этого, *Серебряковы* устроили близъ плантацій разныя необходимыя хозяйственныя заведенія, для сохраненія марены отъ холодной и сырой атмосферы, которая весьма сильно на нее дѣйствуетъ, и сдѣлали разсадникъ фруктовыхъ деревьевъ и тальнику. Однимъ словомъ посѣвъ марены въ такомъ значительномъ количествѣ, *Серебряковы* первые начали производить въ кизлярскомъ уѣздѣ и въ продолженіе 6-ти лѣтъ, жертвуя для того большимъ капиталомъ, безъ всякаго въ теченіе этого продолжительнаго времени вознагражденія, наконецъ достигли желаемаго результата. — Въ 1854 г., отъ перваго посѣва ста *капановъ* сѣмянъ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ вырыто чистаго корня марены 6,000 пудовъ, которые сбыты помѣщиками *Серебряковыми* на Нижегородской ярмаркѣ по 6 р. 25 к. сер. за пудъ; въ прошломъ 1855 году получено ими марены 5,000 пудовъ, которая отправлена для продажи также въ Нижній-Новгородъ. Такимъ образомъ *Серебряковы*, не получая въ теченіе шести лѣтъ никакого вознагражденія за труды, теперь имѣютъ въ виду одну только значительную выгоду. Положимъ, что они среднимъ числомъ будутъ получать ежегодно марены 5,500 пудовъ и сбывать ее по 6 руб. сер., то чрезъ 6-ть лѣтъ она дастъ имъ 198,000 руб. сер. *Серебряковы*, видя несомнѣнную для себя пользу отъ этого рода новой промышленности, предполагаютъ теперь продолжать распространеніе посѣвовъ полезнаго растенія. Желая имъ отъ души успѣха въ этомъ богатомъ предпріятіи, мы надеемся, что тѣ изъ нашихъ хозяевъ, которые сомнѣвались прежде въ выгодахъ отъ разведенія марены, обратятъ теперь свое вниманіе на труды и терпѣніе помѣщиковъ *Серебряковыхъ* и начнутъ вмѣстѣ съ ними стремиться къ одной цѣли, гдѣ ихъ самихъ ожидаютъ богатая награда. Въ 1854

(*) *Капанъ* заключаетъ въ себѣ до трехъ пуд. сѣмянъ марены.

году Серебряковы, кроме марены, получили еще съ своей земли: сарацинскаго пшена до 3,000 пуд., пшеницы и ржи до 800 чет., ячменя, овса и проса до 300 чет., капорцевъ до 100 пуд., и выжжено поташу до 9,000 пуд. Поташъ отправленъ былъ въ Астрахань и проданъ тамъ по 65 коп. сер. за пудъ. Въ эти данныя служатъ для насъ лучшимъ доказательствомъ тому, что въ кизлярскомъ уездѣ не одно только винодѣліе, но и другія отрасли сельскаго хозяйства могутъ совершенствоваться и съ каждымъ годомъ представлять болѣе и болѣе утѣшительныхъ результатовъ. (Ст. Г. В.)

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Персія. Въ тегеранской газетѣ «Дневникъ слугачайныхъ происшествій», отъ мѣсяца реджеба, напечатана статья слѣдующаго содержания: Въ 1260 году гіджры 28 джумади-эль-сани (т. е. 3-го іюля 1844 года), когда заключена была конвенція между Персіею и Россіею относительно переселенцевъ и возвращенія бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ, въ Персіи не существовало официального журнала происшествій; а какъ теперь въ столицѣ этого государства издается газета для объявленія распоряженій правительства, то оно, во вниманіе къ настоящей дружбѣ двухъ Высокихъ Державъ, считаетъ полезнымъ напечатать статьи вышеупомянутой конвенціи касательно лицъ, переходящихъ изъ одного государства въ другое, дабы пограничные жители знали это, и поступали согласно смыслу статей, а злоумышленники не дозволяли бы себѣ предпріятій, противныхъ сему строгому постановленію.
Статья 1-я. «Подданные обѣихъ Державъ не могутъ впредь переходить изъ одного государства въ другое безъ паспорта и безъ формальнаго дозволенія своего правительства». —
Статья 2-я. «Каждый подданный одного изъ двухъ правительствъ, кто перейдетъ въ предѣлы другаго, не снабдивъ себя паспортомъ, будетъ задержанъ и переданъ ближайшимъ пограничнымъ начальствамъ, либо министру, — повѣренному въ дѣлахъ, либо консулу своего государства, съ всею имѣющимся при немъ платьемъ, оружіемъ и проч.». —
Статья 3-я. «Всѣ просьбы, съ коими подданные обѣихъ государствъ будутъ обращаться къ своему правительству о разрѣшеніи переселиться, должны быть подаваемы безъ посторонняго вмѣшательства». —
Статья 4-я. «Если начальствующія лица обѣихъ правительствъ, по уваженію соединяющей ихъ дружбы, потребуютъ однихъ удругаго паспортовъ, то не будетъ отказано въ выдачѣ ихъ для нѣсколькихъ семействъ, лишь бы только не встрѣтилось въ томъ законныхъ препятствій». —
Нужнымъ считаемъ прибавить, что приведенныя статьи конвенціи совершенно согласны съ текстомъ, хранящимся въ дѣлахъ Главнаго Закавказскаго Управленія.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПИСЬМА СТАРАГО ТЕАТРАЛА о Тифлисскомъ Театрѣ.

МИНУВШІЙ СЕЗОНЪ.

«Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Вотъ одна изъ завѣщанныхъ намъ умною стариною пословицъ, которую слѣдовало-бы всѣмъ намъ покрячиче держать въ памяти и руководствоваться на жизненномъ поприщѣ... А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, на неѣ мало обращаютъ вниманія. Такъ, напримѣръ, недавно одинъ изъ моихъ добрыхъ пріятелей кольнулъ меня стариною, припомнивъ, что во 2-мъ письмѣ моемъ, оправдываясь въ долгомъ молчаніи о здѣшнемъ театрѣ, я между прочимъ, сослался на «великія мелочи жизни», которыя были причиною моего безмолвія. —
«Что, г. старый театралъ, — насмѣшнво сказалъ онъ, встрѣтившись со мной, — знать «цѣла, цѣла пташечка, да замолкла»!... Или опять «великія мелочи жизни»?... Позвольте же мнѣ отвѣтить вамъ, мой остроумный насмѣшникъ, что на этотъ разъ уже не мелочи жизни наложили на уста мои печать безмолвія; нѣтъ, на этотъ разъ сама лютая судьба подшутила надо мной, старикомъ, да подшутила то злодѣйка такъ жестоко, что къ моимъ 50 годамъ, словно разомъ, прибавилось еще десятка два, три... Что дѣлать!... Съ судьбой не сладись, не смотря даже на то, что она — индйяка, какъ говорили встарину. Да и Богъ съ нею; авось что нибудь и доброе пошлетъ она, если не на долю дряхлаго старца, то хотя на долю его юнаго покольвнн... Впрочемъ, и то сказать: вѣдь жизнь пережить — не поле перейти.

(*) Первая чотире письма см. въ 73, 92, 93, 96 и 98 ММ. Кавказа. 1865 года.

По все это да послужить лишь отвѣгомъ моему насмѣшливому пріятелю; а вамъ, читатели, что скажу я? — Вотъ вѣдь кончился уже театралный сезонъ минувшей зимы; между тѣмъ, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, послѣ 4-го письма своего, въ которомъ онъ послѣдній разъ побесѣдовалъ о здѣшнемъ грузинскомъ театрѣ, до сихъ поръ молчитъ, какъ будто забываетъ свою обязанность въ отношеніи къ читателямъ «Кавказа», или какъ будто не находя на русской сценѣ ничего такого, о чемъ бы стоило поговорить. Нѣтъ, не думайте такъ. Напротивъ, въ продолженіе минувшаго сезона было много, о чемъ мы можемъ теперь и даже должны поговорить, хотя немного и поздно; но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ первомъ письмѣ моемъ, если припомнить читателямъ, я, между прочимъ, раздѣлилъ время существованія Тифлисскаго Театра на 4 періода, изъ которыхъ къ послѣднему отнесъ настоящее время, т. е. существованіе театра подъ частной дирекціею. Начало этого періода, — было сказано въ томъ же письмѣ, — общало, по видимому, немало удовольствія здѣшней публикѣ, вѣчно жаждущей на скуку. Затѣмъ, въ слѣдующемъ, т. е. во 2-мъ письмѣ я познакомилъ читателей съ новыми сюжетами русской труппы, изъ которыхъ, правда, немного оказалось такихъ, игра которыхъ могла-бы назваться болѣе или менѣе безукоризненною; да и въ этихъ «немногихъ» были замѣчены кое-какіе недостатки, на которые я тогда же указалъ, съ тою, конечно, цѣлю, чтобы помочь гг. артистамъ избѣгать ихъ. И если бы эта цѣль не удалась, то о театрѣ нечего было-бы и говорить; развѣ только оставалось-бы сдѣлать перечень пьесъ, разыгранныхъ на нашей сценѣ, — и только; а о самомъ исполненіи излишне было-бы распространяться, потому что о немъ легко и, смѣю сказать, безошибочно судить-бы всякій, зная сценическія дарованія каждаго артиста, о чемъ я говорилъ такъ подробно во 2-мъ письмѣ моемъ... Но, нѣтъ, не такова наша новая русская труппа. Большая часть лицъ, составляющихъ ее, видимо стараются, по мѣрѣ возможности, совершенствовать игру свою: одни изъ любви собственно къ искусству, а другіе изъ благороднаго желанія оправдать и поддержать то расположеніе и вниманіе публики, которыми она встрѣтила новыхъ гостей своихъ — жрецовъ Мельпомены. Это послѣднее желаніе, по видимому, болѣе всего воодушевляло гг. антрепренеровъ, которые старались строгимъ выборомъ пьесъ и возможно-отчетливою ихъ постановкою разнообразить спектакли, чѣмъ достигалась уже главнѣйшая цѣль ихъ призванія въ отношеніи публики, — и зато театръ, въ продолженіе всего сезона, почти всегда былъ полонъ.

Всѣхъ представлений въ минувшій сезонъ было 75, въ томъ числѣ бенефисныхъ 18. Изъ нихъ, сказать правду, ни одного не было такого, которымъ-бы зритель могъ остаться рѣшительно недовольнымъ. Развѣ только можно было стѣновать на бенефисъ г. Бурдина, который хотя былъ составленъ и довольно хорошо, но сошелъ, противъ всякаго чаянія, чрезвычайно неудачно. Вотъ составъ этого бенефиса: «Параша Сибирячка», русская пьеса Полеваго; «Незнакомые знакомцы», оригинальная шутка Оникса, и «Услугу окажи, а послѣ и тужи», шутка-водевиль, перев. съ французскаго.

Подвигитесь! «Параша Сибирячка», эта прекрасная пьеса, полная самыхъ трогательныхъ чувствъ, весьма легко сообщающихся зрителю даже при нѣсколько отчетливомъ ея исполненіи, — на нашей сценѣ, увы! не имѣла совершенно никакого успѣха. Всѣ участвовавшія въ ней, главныя лица: *Неизвѣстный* (г. Яковлевъ), *Параша* (г-жа Петрова) и *Прохожий* (г. Ивашевъ) были какъ будто не на своихъ мѣстахъ. Въ *Неизвѣстномъ* не выразалось ни того жестокаго страданія, съ которымъ онъ уже сроднился, безпрестанно думая о жалкой, имъ же самимъ приготовленной, будущности своей любимой дочери; ни того глубокаго раскаянія, которымъ онъ желаетъ хоть нѣсколько облегчить свою душу въ бесѣдѣ съ Прохожимъ; ни той, наконецъ, восторженной радости, съ которою онъ, близкій уже къ смерти, встрѣчаетъ давно оплакиваемаго сына и возвращившуюся дочь, принешихъ ему въѣтъ о царскомъ помилованіи.

Параша, походившая болѣе на 23-лѣтнюю Прасковью, чѣмъ на 17-ти-лѣтнюю милую, наивную, простодушную дѣвушку, далеко не передала тѣхъ высокихъ, трогательныхъ душу чувствъ, которыми наполнялось все существо этого бѣднаго созданія, нечаянно узнавшаго страшную тайну своего отца и рѣшившагося на подвигъ неизмовтно-трудный; *Прохожий* походилъ скорее на какого-то подозрительнаго бродягу, чѣмъ на бѣднаго, но благодушнаго и добродушнаго странника, посвѣннаго несчастьемъ. Такимъ образомъ, во всей этой пьесѣ удовлетворительно прошла одна только сцена во 2-мъ актѣ, въ домѣ *Феклы Федосеевны* (г-жа Маркель). Здѣсь довольно поспѣшили насъ *Федоръ Григорьевичъ Писункинъ*, въ лицѣ г. Зубовича; этотъ актеръ какъ нельзя лучше олицетворилъ типъ отставнаго подьячаго, ходатая по дѣламъ, крайне озабоченнаго и разсерженнаго навными отвѣтами Парашы, которая въ Москву пришла изъ Сибири *пышкомъ, безъ виду, изъ Государю!*... Но какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ и эта единственно успѣшная сцена не

могла вознаградить за неуспѣхъ всѣхъ прочихъ, и, притомъ же, главнѣйшихъ сценъ пьесы. *Остальные* затѣмъ двѣ пьесы, поставленныя въ бенефисъ г. Бурдина, тоже исполнены хорошо; но все же не могли изгладить въ зрителяхъ дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ неудачею «Парашы Сибирячки». За всѣмъ тѣмъ, публика, наполнявшая въ тотъ вечеръ театръ, отъ души сбивалась и потрясала все зданіе громкими рукоплесканіями и нѣскольکو разъ повторившимися вызовами г. Мухина, исполнявшаго, въ шуткѣ «Незнакомые знакомцы», роль *Юра Ермолаевича Дерюгина*. — Никогда г. Мухинъ не былъ такъ хорошъ на сценѣ, какъ въ этой роли. Онъ чрезвычайно вѣрно понялъ ея характеръ и олицетворилъ собою оригинальный типъ такъ называемыхъ *прошальныхъ*, образъ жизни которыхъ также неопредѣленъ, какъ загадочна и самая ихъ личность. Повторяемъ: г. Мухинъ съ неподражаемымъ искусствомъ воспроизвелъ эту личность въ застѣнутомъ на всѣхъ переговоры, истасканномъ узкомъ воротничкѣ, коротенькихъ, утратившихъ свой цвѣтъ панталонахъ и въ сапогахъ, порывъвшихъ отъ незнакомства съ ваксой; прибавьте къ этому туго-подвязанный на шеѣ черный платокъ, лакированный съ большимъ козырькомъ картузь, поднимающійся надъ головою своего владѣльца при встрѣчѣ съ каждымъ, хоть нѣсколько подающимъ надежду на какую либо поживу; гладко причесанные до самыхъ бровей виски, жалкую, но вмѣстѣ съ тѣмъ плутовскую физиономію, вкрадчивый монотонный голосъ, неприсущую, безотвязную услужливость и, наконецъ, безпрестанно повторяющуюся одну и ту же фразу: «*жена-вдова, шестъ человекъ дѣтей, надежда на неисчерпаемый источникъ неизреченнаго вашего милосердія*», и проч. и проч., — вотъ портретъ дѣйствительнаго и олицетвореннаго г. Мухинымъ *прошальги*. Однимъ словомъ, г. Мухинъ исполненіемъ этой роли доказалъ, что онъ обладаетъ замѣчательнымъ дарованіемъ, и это тѣмъ болѣе заставляетъ насъ жалеть, что дарованіе это проявляется весьма рѣдко.

Но, виновать, я заболтался по поводу бенефиса г. Бурдина; между тѣмъ какъ, кроме этого, есть еще о чемъ поговорить.

Выше было упомянуто, что въ прошлый сезонъ на тифлисскаго русской сценѣ было 75 спектаклей. Всѣхъ пьесъ разыграно было 95; въ томъ числѣ комедій, водевилей и пр. 74 и 21 драма. Изъ всѣхъ этихъ пьесъ назовемъ слѣдующія, какъ болѣе замѣчательныя и по содержанію и по успѣху, какой онѣ имѣли на нашей сценѣ: «Мертвыя души», Гоголя; «Ревизоръ», его же; «Любовь и предразсудокъ», ком. Мелевила; «Сотрудники», послѣдняго гр. Соллогуба; «Не въ свои сани не садись», ком. Островскаго; «Патка-Полтавка», мадороссійская опера Котляревскаго; «Герои Преферанса», ком.-вод. Григорьева 1-го; «Москаль Чаривникъ»; «Деньщикъ», историч. драма Кукольника; «Смерть и честь», др. Полеваго; «Уголино», драматич. представленіе, его же; «Гамлетъ принцъ Датскій», въ переводѣ его же; «Бенвенуто Челлини», драма; «Владимір Заревскій», драма, и нѣкоторыя другія.

Излишне было-бы говорить подробно объ исполненіи каждой изъ этихъ пьесъ, потому что для этого пришлось бы исписать чуть ли не цѣлую стопу бумаги; а это, согласитесь, не по силамъ старику, да и въ газетѣ не нашлось-бы мѣста. Итакъ скажу только, что всѣ названныя пьесы, говоря вообще, были разыграны очень и очень удовлетворительно, не смотря даже на скудныя средства нашей маленькой труппы. Но грѣшно и непростительно было-бы съ моей стороны умолчать объ игрѣ тѣхъ гг. артистовъ, которые по-истинѣ заслужили, исполненіемъ своихъ ролей въ нѣкоторыхъ пьесахъ, и вниманіе и благодарность публики, за минуты доставленнаго ими эстетическаго наслажденія.

Между такими артистами первое мѣсто, и по преимуществу занимаемаго ампуа, и по самому дарованію, принадлежит по справедливости г. Яковлеву.

Я уже сказалъ, что наши артисты видимо стараются совершенствовать игру свою — одни изъ любви къ искусству, а другіе изъ желанія поддержать оказанное къ нимъ расположеніе публики. Къ первымъ должно отнести именно г. Яковлева, — артиста по призванію, который, несомнѣнно обладая сценическимъ дарованіемъ, истинно, горячо любитъ избранное имъ искусство и изучаетъ его съ похвальною старательностью и постоянствомъ; это обнаруживалось почти въ каждой роли, въ которой онъ являлся на сценѣ, и нельзя не сознаться, что, въ продолженіе минувшаго сезона, г. Яковлевъ сдѣлалъ весьма большіе успѣхи въ усовершенствованіи себя на поприщѣ драматическаго искусства. (Непонятно только, почему онъ не могъ сладить съ ролю *Неизвѣстнаго!*) Такъ г. Яковлевъ чрезвычайно вѣрно передалъ характеры *Сюливана* («Любовь и Предразсудокъ»), *Бенвенуто*, *Юга Бидермана* («Смерть и честь»), *Русакова* («Не въ свои сани не садись») и, въ особенности, *Деньщика*, *Гамлета* и *Владимира Заревскаго*. Но совершенство игры г. Яковлева болѣе всего проявилось въ роли *Деньщика*, гдѣ онъ рельефно выказалъ и свой самобытный, нѣскольکو не подчиняющійся подражанію талантъ, и горячую любовь къ искусству. Здѣсь ни разу не обнаружилась даже замѣчанная въ г. Яковлевѣ страсть къ эффектамъ, которая иногда ослабляетъ игру его, и отъ которой, впро-

челъ, онъ видимо старается освободиться. Въ одинъ день—г. Яковлевъ, съ первого выхода на сцену до конца пьесы, былъ истинно-прекрасенъ. Онъ съ поразительною вѣрностью передалъ высокій характеръ *Трофима Степановича*, какъ вѣрнаго слуги обожаемаго имъ Великаго Монарха, и какъ человѣка, увлекающагося безумною любовью къ дѣвушкѣ, сердце которой давно уже принадлежало другому... Мы восхищались этимъ *Трофимомъ*, когда онъ, счастливый своимъ званіемъ—денщика Петрова, неслыханно безсмертнымъ дѣлѣмъ Великаго Преобразователя Россіи, которыхъ онъ былъ свидетелемъ, ни на шагъ не отставая, въ продолженіе 20-ти лѣтъ, отъ обожаемаго Государя. Намъ, какъ будто, и теперь еще слышится западающій въ душу, восторженный разсказъ его о тѣхъ счастливыхъ, незабвенныхъ дняхъ, въ которые онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ слугъ Петровыхъ:

«Трудами утомленному Петру,—

говорилъ Трофимъ,—

- Спина моя служила изголовьемъ,
- А я не спалъ! Глаза, какъ часовые,
- Ходили по окрестности пустынной,
- И жукъ въ травѣ не смѣлъ пошевеливаться!..»

Или:

- Охъ, и у насъ дни черные бывали,
- Несчастія, смертельныя утраты;
- И Государь въ рабочей запылялся,
- И никого къ себѣ не допускалъ:
- Ни Государыни Императрицы,
- Ни Ихъ Высочество... У дубовой двери
- Стоялъ Трофимъ, хранилъ печаль Цареву,
- И вздохъ, и стонъ, и вопль души Великой,—
- Сбиралъ своей растерзанной думкой,—
- И за Петра всемъ существомъ молился!

«Какой же чинъ на мой я промѣню?..»

Вообще весь этотъ прекрасный монологъ былъ прочитанъ г. Яковлевымъ съ большимъ воодушевленіемъ, и нѣсколько разъ былъ прерываемъ оглушительными, единодушными рукоплесканіями.

Потомъ мы отъ всей души жалѣли того-же самаго *Трофима*, вида его страданія, переносимаго имъ въ минуты жестокой душевной борьбы святаго долга къ Государю, овладѣвшей имъ безумною любовью, для которой онъ, въ первый разъ въ жизни, посвятилъ было измѣнить этому долгу, узнавъ, что избранница его сердца—любить не его, а другаго... Но строгій разсудокъ беретъ верхъ надъ страстью,—и въ душѣ *Трофима* являются новыя муки: угрызеніе совѣсти и чистосердечное раскаяніе; упрекая самъ себя, онъ говоритъ:

- Гдѣ тотъ Трофимъ, что въ шутку не боился;
- Честное слово чтилъ своей присягой;
- На этомъ словѣ Кремль сулилъ построить?!»

Но вслѣдъ за раскаяніемъ является тяжелая душевная скорбь, которую *Трофимъ*, съ горькою насмѣшкой надъ немощью человѣка, высказываетъ при мысли о той, которая плѣнила его сердце:

- Отдать еѣ?.. Разгаться съ цѣлью жизни?..
- На вѣки овдовѣть?..

«Вотъ тутъ и жертва!

«Вотъ тутъ надъ страстью торжество разсудка!..»

Но я, кажется, слишкомъ увлекся впечатлѣніями, которыхъ вполне передать не возможно, да и было-бы бесполезно; для того, чтобы вполне постигнуть высокій характеръ *Трофима*,—нужно именно видѣть такъ живо олицетворяющаго его, г. Яковлева.

Итакъ намъ остается пожелать этому артисту дальнѣйшаго успѣха на предназначенномъ ему, какъ видно, самой судьбою поприщѣ... Счастливый вамъ путь, г. Яковлевъ!.. Идите смѣло по этому пути, идите съ тою же любовью и терпѣніемъ, какія до сихъ поръ всегда одушевляли васъ; не измѣняйте разъ избранному вами искусству, изучайте его больше и больше; къ вамъ оно не можетъ быть неблагодарно,—и вы, рано или поздно, достигнете желаннаго совершенства.

Г. Зубовичъ, по прежнему, не переставалъ занимать насъ своею умной, мастерской игрою, въ продолженіе всего сезона, видимо избѣгая нѣкоторыхъ замѣченныхъ нами недостатковъ, именно: однообразія, не совсемъ твердаго изученія ролей и маленькаго отсутствія вкуса, въ которомъ прежде нѣсколько нуждался его замѣчательный талантъ. Одно только осталось въ г. Зубовичѣ неизмѣненнымъ,—это не совѣтъ безукоризненное произношеніе нѣкоторыхъ чисто-русскихъ словъ и выраженій,—недостатокъ, значительный на каждой русской и, въ особенности на здѣшней сценѣ, на которую смотрятъ по большей части люди, сами мало знающіе русскій языкъ. За всѣмъ тѣмъ, г. Зубовичъ въ нѣкоторыхъ роляхъ является какъ совершенный мастеръ своего дѣла. Изъ такихъ ролей первое мѣсто занимаетъ роль *Макара Алексѣевича Губкина*, въ пьесѣ «Студентъ, Артистъ, Хористъ и Аферистъ». Живой, развязный, веселый, бойкій характеръ Губкина не можетъ найти лучшаго исполнителя. Кроме того, г. Зубовичъ истинно хорошъ въ малороссійскихъ роляхъ. Онъ чрезвычайно вѣрно передаетъ живые, апатичные характеры малороссійскихъ, тяжелыхъ на подъемъ помѣщиковъ.

Такъ, напримѣръ, г. Зубовичъ положительно хорошо исполнилъ роль *Карпа Савича Кубарева*,—полтавскаго помѣщика, въ водевилѣ «Комедія съ дядюшкой». Вообще о г. Зубовичѣ можно сказать, что онъ служилъ украшеніемъ вашего водевильнаго репертуара.

Говоря о малороссійскихъ пьесахъ, нельзя не замѣтить, что онѣ всегда имѣютъ на нашей сценѣ большой успѣхъ, благодаря г-на, г-жѣ и д-цу Марксъ. Они прекрасно владѣютъ малороссійскимъ языкомъ и удачно воспроизводятъ малороссійскія нравы.

Кстати о семействѣ г-на Марксъ: оно съ постоянною добросовѣстностью подвизается на театральномъ поприщѣ. Самъ г. Марксъ, какъ опытный, умный и старательный актеръ, бываетъ безукоризненно хорошъ въ исполненіи ролей, соответствующихъ его природнымъ средствамъ; такъ, напримѣръ, въ роли *Чичикова* «Мертвыя души» онъ неподражаемо олицетворяетъ эту вѣчно-суевѣдную личность; или въ водевилѣ «Утка и стакавъ воды» онъ исполняетъ, какъ нельзя лучше, роль *Гамбила*, человѣка слишкомъ благодарнаго и вмѣстѣ слишкомъ вѣжливаго; слабости, какъ онъ самъ безпрестанно сознается, перешедшія къ нему по наслѣдству отъ прадыда и отъ матери. Въ роляхъ же, которыя не по его средствамъ, игра г-на Марксъ гораздо слабѣе; но, за всѣмъ тѣмъ, она все же не портитъ общаго успѣха пьесы. Къ числу такихъ ролей, выпавшихъ на долю г-на Марксъ въ прошлый сезонъ, должно отнести роль *Дженкинса*, богатаго негодяя, въ комедіи «Любовь и предразсудокъ». Здѣсь онъ недостаточно выразилъ характеръ старика, твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добраго, благороднаго и нѣжно-любящаго единственную свою дочь *Лелю*. Вообще роли (выражаясь закусиснымъ языкомъ) *благородныхъ отцевъ* не по характеру и не по средствамъ г-на Марксъ.

Г-жа Марксъ такая актриса, которая можетъ служить украшеніемъ любой, даже и провинціальной сцены. Не только въ минувшій, но и во всѣ прошлые сезоны, мы не помнимъ ни одной изъ исполненныхъ г-жею Марксъ ролей, изъ которыхъ бы она не сдѣлала всего, что только можно сдѣлать хорошаго. Вообще о г-жѣ Марксъ можно сказать, что она—перлъ тифлисской русской сцены.

Д-ца Марксъ, не смотря на недавнее появленіе свое на сценѣ, въ последнее время сдѣлала большіе успѣхи, обнаруживши въ ней замѣчательное дарованіе. И мы не мало жалѣли порою о томъ, что нѣкоторыя роли исполнялись не ею, а г-жею Петровой (при имени которой не можемъ не замѣтить, мимоходомъ, что мы всегда удивлялись тѣмъ усиленнымъ рукоплесканіямъ и вызовамъ, коими *нѣкая часть публики* безмѣрно надѣляла эту актрису...) Такъ, напримѣръ, въ роляхъ: *Нараша Сибирячки*, *Лелю*—дочери негодяя *Дженкинса* и въ нѣкоторыхъ другихъ, д-ца Марксъ, безъ сомнѣнія, была бы лучше г-жи Петровой. Изъ ролей, требующихъ болѣе серьезнаго исполненія, игранныхъ въ прошлый сезонъ д-цею Марксъ, мы должны упомянуть роль *княжны Ольги Петровны*, въ драмѣ «Владимиръ Заревскій». Милая наивность, простосердечіе, откровенность, и потомъ закраившая въ душу тихая, но вмѣстѣ съ тѣмъ пламенная дѣвственная любовь, вскорѣ превратившаяся въ страсть, сдѣлавшая было причиной гибели молодой княжны,—все это выразено д-цею Марксъ чрезвычайно вѣрно, естественно, увлекательно. Отъ души желаемъ этой юной артисткѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ развитіи ея дарованія, что, впрочемъ, возможно при одномъ только условіи, именно: нужно, чтобы д-ца Марксъ, оставаясь при настоящемъ своемъ стараніи и любви къ искусству, имѣла болѣе совершенныхъ образцовъ и болѣе опытнаго руководителя.

Г. Ивановъ, бывший когда-то единственнымъ любимцемъ публики и, быть можетъ, собственно поэтому всегда отличавшійся на сценѣ чрезвычайной самоувѣренностью и нѣкоторыми невозмутимымъ спокойствіемъ, въ последнее время, повидимому, избѣгалъ этихъ качествъ, весьма много вредившихъ его игрѣ. Похвальная перемена эта произошла, вѣроятно, отъ соревнованія между г. Ивановымъ и нѣкоторыми изъ его сотоварищей, успѣвшихъ въ короткое время списать небольшую любовь публики. Въ прошлый сезонъ, г. Ивановъ, сколько мы могли замѣтить, гораздо болѣе прежняго обдумывалъ и изучалъ свои роли, что весьма много содѣйствовало развитію его дарованія, давно уже въ немъ признаннаго и оцененнаго.

Вотъ и всѣ дѣтели здѣшней русской труппы, которымъ, какъ мы упомянули выше, публика обязана за время, пріятно проведенное ею въ прошлую зиму.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ, принадлежащихъ къ здѣшней труппѣ, танцующихъ сюжеткахъ; мы разумѣемъ *г-жѣ Санковскую* и *Мухому*. Обѣ онѣ, вѣдая въ замѣчательной степени своихъ искусство, часто дарили насъ минутами эстетическаго удовольствія, напоминая собою Сильфиду, Жизель, Гитану, Дѣву Дуная и прочія воздушныя созданія хореографической фантазіи. Любуясь прекраснымъ, вполне изящнымъ исполненіемъ этими артистками коротенькихъ отрывковъ, *pas* и *solo* изъ нѣкоторыхъ балетовъ, нельзя было не жалѣть объ отсутствіи на нашей сценѣ, не говоря уже о полной, балетной труппѣ, но хотя-бы въ такомъ маломъ составѣ, въ какомъ она была у насъ въ прошлый годъ се-

зонъ, подъ управленіемъ опытнаго и искуснаго хореографа Манохина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что желаніе на нашей сценѣ болѣе или менѣе полной балетной труппы было-бы совершенно бесполезно, потому что это вещь рѣшительно невозможная: балетная труппа—сущее разореніе для какого-бы то ни было театра; въ доказательство этого мы должны сказать, напримѣръ, что для нашихъ четырехъ только танцовщицъ въ прошлый сезонъ израсходовано дирекціей, какъ мы достоверно знаемъ, болѣе 900 руб. сер. на одни башмаки съ прибавленіемъ нѣсколькихъ костюмовъ.

Но, говоря объ отсутствіи на тифлисской сценѣ балетной труппы, я совершенно забылъ о томъ, что нѣкоторые гг., такъ называемые дилетанты, имѣя въ виду трехъ, четырехъ танцующихъ сюжетовъ, печатно увѣряютъ насъ, что здѣсь существуетъ *якобы* цѣлая балетная труппа. Излишне было-бы говорить о несомнѣтельности этого увѣренія, не смотря даже на то, что оно печатное; но мы припомнимъ это для того только, чтобы отклонить отъ себя обидный для *староу театраловъ* упрекъ, будто онъ допустилъ пробѣлъ въ своихъ театральнхъ замѣткахъ о прошломъ сезонѣ,—пробѣлъ, замѣченный г-мъ П. Ев., который великодушно предоставляетъ пополненіе сказаннаго пробѣла «подвизающимся (на чѣмъ?) театальной хроникой ех professo.» Во всякомъ случаѣ, пусть г. П. Ев., говоря его же собственными словами,—*не мѣшай отказать себѣ въ удовольствіи замѣтить, что онъ посвятилъ г-жѣ Санковской нѣсколько печатныхъ строкъ (?)*—извинитъ насъ за неисполненіе настоящаго его желанія.

Но оставимъ это... Въ заключеніе слишкомъ, можетъ быть, длиннаго письма моего, я считаю долгомъ выразить совершенную признательность, которую, надѣмся, раздѣлять съ нами не только всѣ старые, но и молодые театралы вмѣстѣ съ поклонниками балетной труппы, г-дамъ Марксъ, Иванову и Мухому, благодаря которымъ, мы и безъ итальянской оперы не скучали въ театрѣ во все продолженіе послѣдняго сезона. Они тѣмъ болѣе заслуживаютъ общую благодарность, что взявшись за антрепренерство, они исполняли свою обязанность вполне добросовѣстно и доказали, что къ настоящему предпріятію они были побуждены не видами корысти, столь обыкновенными въ нашъ вѣкъ, но единственно изъ желанія дать понятіе (разумѣется тѣмъ, кто самъ этого не понимаетъ) о томъ, какъ много можетъ доставить удовольствія собственно русскій театръ. Конечно, на первый разъ они не могли вполне достигнуть этой благородной цѣли, потому что не имѣли достаточныхъ средствъ; но пока весьма довольно и того, что они сдѣлали. Они познакомили здѣшнюю публику съ новымъ, невиданнымъ доселѣ здѣсь репертуаромъ, раскрыли передъ нею собственно русскіе характеры и нравы; все это было для однихъ пріятнымъ напоминаніемъ уже давно знакомаго, роднаго, а для другихъ совершенно новымъ и поэто самому безспорно интереснымъ явленіемъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что если гг. Марксъ, Ивановъ и Мухомъ оставятъ за собою и на будущее время знаніе антрепренеровъ и, притомъ, если ими по прежнему будетъ руководить та же благородная цѣль, то наша великолѣпная сцена можетъ скоро украситься такою русскою труппой, которой позавидуетъ не одна провинціальная сцена внутри Россіи, и которая заставитъ насъ не жалѣть объ итальянской оперѣ, понятной только, и то лишь немногимъ изъ здѣшней публики, своею чисто-иностранною стороной, но за то совершенно чуждою по языку. Отъ души желаемъ, чтобы это предположеніе сбылось,—и тогда имена нашихъ почтенныхъ антрепренеровъ займутъ почетное мѣсто въ летописяхъ пока еще юнаго Тифлискаго Театра.

Примите, м. г., увѣреніе, и проч. Z.

20-го марта 1856 г.

Тифлисъ.

БИБЛИОТЕКА

Калуста Ширмазаняна.

Одинъ безпристрастный писатель XVII вѣка справедливо сказалъ: *Dès que Shah Abbas le grand eut cessé de vivre, la Perse cessa à prospérer* (Chardin, t. III, pag. 291). И дѣйствительно имя Шахъ-Аббаса, за великія заслуги, оказанныя имъ своему государству, сохраняется съ признательностію въ памяти отдаленнѣйшаго потомства: онъ даровалъ Персіи, послѣ вѣковыхъ и тяжелыхъ испытаній, внутреннюю тишину и спокойствіе; положилъ конецъ безпрерывнымъ Турбіямъ и грабежамъ Узбековъ и вырвалъ изъ рукъ Разбій лучшаго провинціала своего отечества. Но съ его смертію все начало видимо клониться къ упадку: Персія обречена была на новыя испытанія, и Исторія съ ужасомъ говоритъ о событіяхъ, наполнившихъ собою весь періодъ времени до самаго воцаренія Надиръ-Шаха.

Свидѣтельницею всѣхъ этихъ переворотовъ и внутренней неурядицы была и Джульфа Аббасъ II былъ послѣдній шахъ, при которомъ она сохранила нѣкоторое спокойствіе и преимущественно дарованія ей великій его прадѣдомъ. Покровительствуя христіанамъ, онъ нерѣдко говорилъ: «Совѣсть въ рукахъ Всемогущаго и поущу-

«ли я себя когда нибудь вѣшавать въ дѣла, подлежащія суду Всевышняго и Творца сего міра».

Но въ 1-й половинѣ XVIII ст. Джульфа уже потеряла все свое значеніе; кипѣвшая въ ней, за полвѣка предъ тѣмъ, жизнь и дѣятельность уснули въ гробовой тишинѣ, нарушаемой однимъ лишь звономъ христіанскаго колокола, который, колеблясь надъ св. храмомъ и потрясая воздухъ, призывалъ къ молитвѣ немногочисленную еще паству, брошенную на жертву среди чуждаго ей мусульманскаго міра.

Въ такомъ положеніи находилась эта христіанская колонія, когда во 2-й половинѣ XVIII ст., вскорѣ послѣ умерщвленія Надиръ-Шаха, выхалъ оттуда въ Адербайджанскую провинцію и поселился въ Тавризъ нѣкто Вартацъ, сынъ Дилана, потомокъ знаменитаго джульфинскаго Армянина Шафразы. Нѣсколько лѣтъ спустя, Вартацъ приобрѣлъ на берегу Аракса, близъ монастыря св. Стефана, основаннаго, по преданію, св. Варооломеемъ, небольшое помѣстье, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ, оставивъ наслѣдникомъ единственнаго сына Ширмазана. Смуты, предшествовавшія возвышенію Ага-Мухаммеда-Хана и продолжавшіяся въ первые годы его царствованія, заставили Ширмазана покинуть отцовское наслѣдіе, разоренное и разграбленное персидскими войсками, и переселиться въ Старыя Джульфы. Тамъ онъ исключительно началъ заниматься торговлею, которая, мало по малу развиваясь, скоро распространилась на всю Персію, большую часть Грузіи и проникла даже за Кавказъ, во внутреннюю Россію. Имѣя агентовъ во всѣхъ почти главнѣйшихъ городахъ Персіи: Тавризъ, Тегеранъ, Кашанъ, Испагань, Ездъ, Кирманъ и даже за ея предѣлами, въ Бухаръ и Кашмиръ, откуда получались дорогія и богатѣйшія шали, онъ продолжалъ съ успѣхомъ торговлю свои операціи до 1818 года, пользуясь большими преимуществами и привилегіями, дарованными ему Аббасомъ Мирзою, тогдашнимъ адербайджанскимъ правителемъ и наслѣдникомъ персидскаго престола. Но когда, около этого времени, Кингирляны были лишены своего вліянія и всѣхъ правъ на Нахичеванское ханство, а преемники ихъ, назначаемые туда Аббасомъ-Мирзою, начали притѣснять жителей Старыхъ Джульфъ, требуя съ нихъ непомерныхъ податей, тогда Ширмазанъ переселился въ Нахичеванъ, съ тайнымъ намѣреніемъ бѣжать въ Россію, что и исполнилъ въ 1821 году, послѣ еще затѣсколю времени предъ тѣмъ въ Тифлисѣ 3-хъ своихъ сыновей. Самъ онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, отправился въ Карабагъ, оставивъ семейство свое въ Нахичеваніи, откуда оно было вывезено въ Шушу около того самаго времени, когда патриархъ и верховный католикосъ всѣхъ Армянъ Ефремъ, боясь преслѣдованія эриванскаго сардаря Хусейнъ-Хана, бѣжалъ въ Татевскій монастырь. Изъ Шуши Ширмазанъ немедленно отправился въ Тифлисъ, гдѣ нашелъ ласковый приемъ и былъ осыпанъ милостями главнокомандовавшаго А. П. Ермолова.

Аббасъ-Мирза, узнавъ обо всемъ этомъ въ Тавризѣ, пытался возвратити Ширмазана, какъ одного изъ богатѣйшихъ купцовъ, снова въ Персію, и съ этою цѣлію отправилъ въ Тифлисъ Шейхъ-Али-хана Ордубадскаго, но всѣ усилія и старанія его остались тщетными, потому что Ширмазанъ, отказавшись рѣшительно отъ возвращенія въ Персію, со всѣмъ семействомъ присягнулъ на вѣрноподданство Россіи.

Послѣ послѣдней войны нашей съ Персіею, Ширмазанъ однакожь снова началъ свои торговые операціи въ Тавризѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя, скончался, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей.

Средній изъ нихъ, Кадустъ, въ продолженіе почти 20-ти лѣтняго своего пребыванія въ Персіи, независимо отъ торговыхъ занятій, посвящалъ свои досуги наукѣ, и успѣвъ собрать на Востокѣ весьма рѣдкія и въ высшей степени интересныя рукописныя сочиненія, образовалъ изъ нихъ небольшую бібліотеку, которой и посвящена настоящая статья. Но прежде чѣмъ мы представимъ списокъ замѣчательныхъ ея книгъ, скажемъ сперва нѣсколько словъ о самомъ владѣльцѣ бібліотеки.

Кадустъ Ширмазаняцъ родился въ Старой Джульфѣ, въ 1814 году, и на 8-мъ году отъ рожденія отданъ былъ въ Нахичеваніи на воспитаніе одному изъ тамошнихъ священниковъ; въ 1823 году продолжалъ ученіе въ Тифлисѣ, въ Ванскомъ монастырѣ, у известнаго архимандрита Погоса Карадагскаго, отъ котораго въ 1825 году поступилъ въ Тифлиское Армянское Училище, основанное епархіальнымъ епископомъ (нынѣ Патриархомъ и Католикосомъ всѣхъ Армянъ) Персесомъ, гдѣ въ 1829 году и кончилъ курсъ. Въ слѣдующемъ 1830 г. онъ отправился въ Карабагъ, а оттуда въ Тавризъ, съ цѣлію заняться торговлею. Отсюда онъ въ разное время совершилъ двѣ поѣздки въ Турцію; съ 1835 по 1840 предпринималъ по торговымъ дѣламъ три путешествія за границу, и посѣтилъ Пруссію, Австрію, Саксонію, Нидерланды и Англію, а въ 1840 г. снова возвратился въ Персію. Въ 1845 Кадустъ Ширмазаняцъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и, 6 лѣтъ спустя, отправился чрезъ Тавризъ въ Тегеранъ. Свирѣпствовавшая тамъ въ 1851 году холера заставила его оставить персидскую

столицу: онъ отправился въ Испагань, а оттуда въ Хамаданъ, но на день пути отъ этого города, по разнымъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ возвратиться въ Тегеранъ.

Во время этой послѣдней поѣздки любознательный Кадустъ Ширмазаняцъ успѣлъ собрать въ армянскихъ деревняхъ, между Испаганомъ и Хамаданомъ, поселенныхъ Шахъ-Аббасомъ, до 193 старинныхъ, весьма рѣдкихъ и частию почти неизвѣстныхъ рукописныхъ книгъ, приобретенныхъ большею частью у армянскихъ священниковъ, до 600 фирмановъ персидскихъ шаховъ, папскихъ буллъ и писемъ разныхъ епархіальныхъ епископовъ. — Вотъ краткій и буквальныи перечень особенно-замѣчательныхъ книгъ этого собранія:

I.) *Книга о шестидневномъ сотвореніи міра*. Въ концѣ книги приписка: «И такъ окончена эта книга о шестидневномъ сотвореніи, собранная Фрейберомъ (братомъ) епископомъ Долемосомъ, по званію проповѣдникомъ ордена св. Доминика, родомъ Римлянина, епископомъ города Мараги. Переведена съ латинскаго языка на армянскій архимандритомъ Якобомъ, родомъ изъ Армянъ, ордена св. Доминика... и такъ окончена этотъ переводъ въ церкви св. Богородицы... въ дер. Кирна, при помощи и подъ руководствомъ архимандрита Юанна Кырнеци.»

II.) *Часовникъ и писемникъ*, на пергаментѣ. Во вновь напечатанныхъ армянскихъ книгахъ мы не находимъ нотъ, имѣющихся при этой книгѣ. Приписка: «Слава равно достойной св. Троицѣ во вѣки вѣковъ, аминь. Книга эта окончена въ провинціи Экегецъ, въ деревнѣ, называемой св. Георгъ, въ церкви св. Богородицы, рукою многогрѣшнаго священника Матеоса, по просьбѣ преподаваемаго священника... И такъ эта книга окончена въ царствованіе Гегуя, называемаго пустынникомъ, во время патриаршества Теръ-Григорія, въ 748 году армянской эры, во время свирѣпствовавшаго повсемѣстно голода и покоренія Дамаска Газанъ-Ханомъ; молю всѣхъ читающихъ...» Здѣсь слово *Матеосъ* приписано впоследствии и, какъ видно, на подчищенномъ мѣстѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ переписчикъ называется *мехитаромъ*. Другая приписка: «И такъ я, Ходжа Погосъ Тавакалинскій, сынъ Мансура, купилъ сію тетрадь для моего брата, священника Григорія, въ 1081 году армянской эры, во время патриаршества въ св. Эчмиадзинѣ Теръ-Мовсеса католикоса и въ царствованіе Шахъ-Аббаса персидскаго, внука Шахъ-Сефи, и столица Шахъ-Сефи есть Испаганъ, который называется также Шошъ; тамъ находится много христіанъ; они имѣютъ монастыри и пустыни для мужчинъ и дѣвчонъ, и церквей армянскихъ 17; и ференги (католики) имѣютъ тамъ двѣ церкви, и кто будетъ читать по этой книгѣ или ея переписывать, пусть помолится за послѣдняго ея хозяина.»

III.) *Нравоучительныя басни архимандрита Вартаца*. Приписка: «Слава Всевятой Троицѣ... и такъ прославляемый всѣми Господь нашъ Исусъ Христосъ далъ возможность мнѣ, многогрѣшному и ничтожному писцу, священнику Григорію Джульфинскому, составить эту книгу изъ двухъ, въ которыхъ заключались 253 басни; на 8 басенъ я составилъ толкованія и, кромѣ того, объяснилъ еще 7 другихъ басенъ, написанныхъ первоначально безъ толкованій—я того 15. Я поставилъ красныя знаки надъ тѣми баснями, которыя объяснилъ самъ. Переписывалъ я книгу эту въ Индіи, въ столицѣ Лагора, во время патриаршества въ св. Эчмиадзинѣ высокостепеннаго и славнаго пастыря Армянъ и католикоса Теръ-Филиппа, въ 1090-мъ году армянской эры, и при епархіальномъ епископѣ въ Джульфѣ Хачатурѣ.»

IV.) *Четыри Милеи и рѣчи извѣстныхъ пастырей церкви съ ихъ біографіями*. Книга не имѣетъ ни начала, ни конца (по моему мнѣнію, это *Гамбуцъ*). Приписка: «Вспомните въ молитвахъ вашихъ Григорія, писавшаго сію книгу; Іоанеса священника, пожертвовавшаго для оной бумагу, и отца нашего Михитара и мать нашу Таджамъ и единокровныхъ братьевъ нашихъ Вартана и Саркиса и духовнаго брата нашего священника Сукіаса.» Далѣе мы читаемъ имя Оганеса Бокнареци, а въ другомъ мѣстѣ прибавлено: «Господи, помилуй мою прабабушку, жившую болѣе ста лѣтъ и скончавшуюся въ 747 году армянской эры.»

V.) *Исторія Тарона, соч. Зеноба Глака*. Исторія эта разнится отъ другаго экземпляра того-же сочиненія тѣмъ, что на послѣднемъ листѣ ея написано: «рукопись эта сдѣлана въ 1068 году, въ городѣ Испагани.»

(Окончаніе въ слѣд. №).

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и число по старому стилю.	Часы.	Термометръ °Р.			Сила вѣтра.	Барометръ при 13 $\frac{1}{2}$ ° Русс. полуш.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.	Воздуха.					Вѣтр.	Нав.
3-го Апрѣля.	7 утра.	+ 7,0	+ 5,0	0,69	570,31	СЗ. оч. слаб.	Обл. тонкія Обл. на гориз. Обл. тонкія.	+ 5,5	+ 16,2	
	1 полуд.	+ 14,4	+ 8,2	0,31	569,47					
	9 вечер.	+ 12,0	+ 5,8	0,28	569,47					
4-го Апрѣля.	7 утра.	+ 6,6	+ 4,2	0,62	569,39	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	+ 4,2	+ 20,2	
	1 полуд.	+ 18,6	+ 8,8	0,16	567,25					
	9 веч.	+ 14,0	+ 7,7	0,32	567,79					
5-го Апрѣля.	7 утра.	+ 9,0	+ 5,8	0,56	568,58	СЗ. слаб.	Обл. тонк.	+ 6,6	+ 21,0	
	1 полуд.	+ 19,6	+ 10,6	0,24	567,41					
	9 вечер.	+ 12,8	+ 8,8	0,53	567,75					

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФИСЪ. 8-го Апрѣля 1856. Цензоръ А. ЭБЕДИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. За Редактора Старшій Помощникъ Я. БЕРЗЕНОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Редакціи газеты «Кавказъ» продаются слѣдующія, недавно вышедшія книги:

I. БЛОКАДА КАРСА, — письма очевидцевъ о походе 1855 года въ Азіатскую Турцію. Напечатано на бѣлой бумагѣ, 139 страницъ, въ 8 л. листа, съ виньеткою, изображающею карсскую цитадель, и планомъ Карса и его укрѣпленій. Цена одиной руб. сереб. съ пересылкою.

II. КАВКАЗЪ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ, соч. графа В. А. Соллогуба, въ 8-ю л. листа, 48 страницъ. Цена 50 коп. сереб. съ пересылкою иногороднымъ.

СЪЯМНАЯ ТОРГОВЛЯ П. БУКА,

въ С.-петербургѣ,

перемѣнена въ домъ Имзена № 20 по Екатерининскому каналу близъ Казанскаго моста. Въ оной вновь получены изъ-за границы сѣмяна огородныя, хозяйственныя, лѣсныя и дѣртовныя, свѣжія и лучшаго качества. Съ августа по ноябрь мѣсяцъ ежегодно имѣются и настоящія голландскія цвѣтныя луковички.—Сверхъ того имѣются разныя садовые инструменты, висачія и другія родовъ лозы; принимаются заказы на выписку изъ-за границы цвѣтвъ и растений. Каталоги сѣмянамъ и луковичкамъ по требованію пересылаются безвозмездно, и сдѣланные по онымъ заказы немедленно исполняются.

Продается испытанной прочності укладчатый ТАРАНТАСЪ, за весьма сходную цѣну. Видѣть можно въ домѣ ст. сов. Орловскаго, за старымъ театромъ.

Тифлискій гражданинъ Юсифъ Вартацовъ объявляетъ почтеннѣйшей публикѣ, что на всѣ продаваемые въ магазинѣ его спиртуозныя напитки онъ уменьшаетъ цѣну; почему проситъ обращаться за покупкою таковыхъ къ нему въ магазинѣ.

На Ермоловской улицѣ, въ домѣ стат. сов. Орловскаго, отдается въ наемъ квартира о семи комнатахъ съ удобными къ ней службами, и продаются: карета на лекачѣхъ и коляска на круглыхъ рессорахъ. О цѣнѣ можно узнать отъ домо-хозяина, тутъ же живущаго.

На Головинскомъ проспектѣ, въ домѣ кн. Мамуки Орбелинова, въ нижнемъ этажѣ подъ № 2, вновь открыта Турецко-поданнымъ, Илею Полихрониди табачная фабрика полученныхъ недавно изъ Турціи, лучшихъ сортовъ Султанскаго табака и этого-же сорта приготовленныхъ папиросъ, которые продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

На Давыдовской улицѣ въ домѣ Теръ-Гукасова, что противъ арсенала, продаются РОЯЛЬ, ФОРТЕПИАНО, СКРИПКИ и нѣкоторые другіе музыкальные инструменты.

ПРИБЪХАЛИ: апрѣля 6-го, изъ Елисаветполя генералъ-лейтенантъ Рашиль, изъ Закаталъ майоръ Давыдовъ, изъ Кутаиса капитанъ Мишфоръ. 7-го: изъ Гурійскаго отряда майоръ Дудкевичъ, съ Бѣлаго-Ключа штабъ-капитанъ Эккельнъ, изъ Кахетіи штабъ-капитанъ князь Паласандовъ.

ВЫЪХАЛИ: апрѣля 6-го, въ Александрополь генералъ-майоръ графъ Пиродъ и прапорщикъ Черняскій, на Царскіе-Колоды прапорщикъ Ивановъ. 7-го: въ Гамбору полковникъ Фрейтагъ, въ Мангальскъ полковникъ де-Саже и штабъ-капитанъ Антоновъ, во Владикавказъ поручикъ Аясылловъ, въ Кутаисъ подпоручикъ Жаркевичъ, на Бѣлый-Ключъ прапорщикъ Черетели.